

**Русский антропоним: структура, взаимосвязь
компонентов, денотативные и коннотативные аспекты
ономастической семантики**

Будучи ядерным конститuentом ономастического поля, антропонимы являются своеобразным *principium comparationis* для определения онимичности других единиц этого языкового пласта, сравнение с ними выявляет, в какой степени то или иное слово является именем собственным. Справедливо заметил А. А. Белецкий еще в 1972 г., что «прочие имена как бы уподобляются или приравняются к ним» [Белецкий, 1972, 161].

Однако этот принцип не является абсолютным. Сложные отношения между компонентами антропонимического комплекса, их содержательное тождество при выраженном прагматическом своеобразии каждого из конститuentов колеблют ядерный статус антропонимов, заставляя их уступить это место топонимам, и только фреквентативные показатели в текстах различного содержания не позволяют полностью снять единицы антропонимического разряда с ядерного пьедестала.

К антропонимам, как известно, относятся личные имена в полной, церковной (крестной), гипокористической, деминутивно-мелиоративной и аугментативно-пейоративной формах, фамилии, отчества – эти единицы на современном этапе развития русского народа являются обязательными для всех представителей этноязыковой общности; прозвища, клички, псевдонимы, уличные имена и пр. составляют антропонимическую периферию и могут отсутствовать у многих/большинства членов общества. При этом все эти единицы и их сочетания имеют семантическое тождество, идентифицирующая сема ‘человек’ проявляется в обязательной связи с денотатом имени: *Иван Иванович Иванов – Иван Иванов – Ваня Иванов – Иван Иванович – Иванов – Иван – Иоанн – Ваня – Ванюша – Ванька – Иваныч – Очкарик – Меченый – Заречный* и т. п. В этот ряд могут входить также неделимые прагмонимические сочетания с одними терминами родства: *дядя Ваня, дедушка Ваня*; (полу)свободные сочетания с другими терминами: *папа Ваня, брат Ванюша, кузен Иван*; сочетания фамилии с инициалами в препозиции (в публицистическом тексте) и постпозиции (в списках и некоторых официальных документах): *И. И. Иванов, Иванов И. И.*; шуточные преобразования всех компонентов антропонимической формулы полупрозвищного или ситуативного характера: *Три И, Ивановок, Иванидзе, Джон, Жан, Хуан, Ванчо, Ив-Ив* и мн. др.

Все компоненты этого почти бесконечного ряда можно было бы рассматривать как синонимы, поскольку под последними понимаются единицы, «имеющие полностью или частично совпадающие значения» [ЛЭС, 447], однако семантика онима столь специфична, выражается по сравнению с апеллативом более дифференцированным контенционалом и менее объемным интенционалом [Алефиренко, 1998, 167–168], каждый компонент ряда имеет пучок коннотаций и фоновых сем, в которых и заключается своеобразие конститuentов антропонимического поля,

на которых базируются семантические расхождения этих слов и словосочетаний, поэтому в лучшем случае их взаимоотношения могут быть определены как речевая квазисинонимия.

А. К. Матвеев утверждает: «Есть основания, однако, думать, что ономастику следует рассматривать как самостоятельную лингвистическую науку, а не как раздел лексикологии» [Матвеев, 2005, 7]. Если продолжить рассуждения мэтра ономатологии, то и термины лексикологии не вполне уместны для описания семантико-стилистических особенностей функционирования онимов. Так, например, еще сложнее описать в привычных лексикологических терминах отношения между одинаково звучащими онимами, относящимися к разным лицам. Их никак нельзя назвать омонимами, хотя они имеют «звуковое совпадение» и их информационно-речевые значения «не связаны друг с другом» [ЛЭС, 344]. В языке существуют имя *Иван*, отчество *Иванович* и фамилия *Иванов*, которые могут в речи функционировать самостоятельно, в сочетании друг с другом и с другими антропонимами и употребляться для именованья множества различных лиц. Эти не поддающиеся исчислению речевые употребления отличают антропонимы (а также зоонимы) от единиц других ономастических разрядов, имеющих в языке и речи соотнесенность с единичным объектом, что снова затрудняет восприятие этих онимов в качестве образца для сравнения.

С. Брендлер описывает мультифункциональность антропонима на примере имени и фамилии своего школьного друга Томаса Вагнера (*Thomas Wagner*), выделяя 8 позиций (перспектив): 1) последовательность компонентов; 2) синтагматическая позиция; 3) оценка имени; 4) способ получения имени; 5) актуальный способ использования имени; 6) подчеркивание индивидуальности или семейственности с помощью имени; 7) различие отдельного человека и группы людей с помощью имени; 8) констатация комплемента имени через прибавление другого [Brendler, 2008, 56]. Все это является отражением социолингвальных особенностей функционирования антропонимического комплекса в языке-речи, что также может служить дополнительным аргументом о специфическом месте единиц этого разряда в ономастическом поле.

Сложность решения вопроса об омонимии и полисемии в ономастике отражается на лексикографической обработке одинаковых онимов в словарях языка писателей. Предлагаются различные приемы оформления словарных статей. А. В. Фёдоров и О. И. Фонякова предлагают алфавитно-гнездовой принцип расположения слов: антропонимы располагаются от полного (общепринятого) до эмоционально-стилистических, сниженно-разговорных и иных, окказиональных вариантов [САТГ-ИС, 8]. Составители пока еще, к сожалению, не изданного чешско-русского толково-переводного словаря к трилогии М. Пуймановой, работающие под руководством Г. А. Лилич и воплощающие идеи Л. В. Щербы и Б. А. Ларина, дают лексикографическую обработку антропонимов, исходя из практической целесообразности. Все одинаковые имена собственные сведены в одну словарную статью, многокомпонентный оним предлагается выделять в словарной статье по главному компоненту с помощью знака лежащего нуля [см.: Степанова, Супрун, 1988, 177]. Этот, может быть, несколько наивный прием был избран для того, чтобы показать специфику поликомпонентных онимов, их отличие от фразеологизмов, выделяемых с помощью ромба.

Полный русский антропоним, состоящий из имени, отчества и фамилии, только формально равняется фраземе – сверхсловной раздельно оформленной, но семантически целостной и синтаксически неделимой языковой единице [Алефиренко, 1993, 4]. Фразема при трансформации либо становится иной языковой единицей, либо теряет свою фразеологичность, превращается в свободное сочетание или слово; антропоним же в каждом своем компоненте сохраняет денотативную связь, содержит энциклопедическую (для реальных лиц) или литературоведческую (для вымышленных персонажей) информацию.

Язык дает многочисленные, но все же ограниченные в количественном отношении модели преобразования имён в экспрессивно-стилистических целях. Иван имеет в словаре 104 производных: от *Иваня* до *Ивашка* [СРЛИ, 180–183]. У имени *Вера* 50 дериватов [Там же, 437–438], которые активно используются в речи. Речь манипулирует, экспериментирует с языковыми моделями и может выходить за их пределы, создавая слабо поддающееся исчислению и классифицированию множество экспрессивных вариантов: *Иванусёночек*, *Ванюшунечка*, *Ванькович*, *Иванищеволванище* и мн. др. В обращении к лицу параллельно могут выступать формы от фамилии, имени и прозвища.

Церковный вариант имени, восходящий к церковнославянско-греческому прототипу, может приобретать, помимо ограничения ситуацией употребления, еще и статусные индикации, ср.: *Святого такого, чтоб Иваном звали, и в святцах нет! Есть Иоанн! Холоп может быть Иваном, Ивашкой, Ванюшкой, а дворянину кличкой зваться не приличествует. Эдак, пожалуй, иного назовут и Ванюшкой Ванюшковицем* [Салиас де Турнемир, 1993, 76–77].

Расхождения между церковным и светским именем одного и того же лица могут быть вызваны использованием разных антропонимов в различающихся ситуациях общения. До XVIII в. в России нередко сохранялась двуименность, когда церковное имя использовалось только в храме во время богослужения, а в бытовых ситуациях, в том числе при официальном общении, человек именовался мирским именем, которое уже не воспринималось языческим, поскольку его носитель был православным человеком и не считал свое имянарекение частью языческого обряда, но оно и никак не совпадало с крестным именем: 1552–1553 гг.: *Купчая Неустроя и Сутормы Васильевых детей Безсоньевых Якову (Васильеву сыну?) Безсонову на двор в городе Казани на Большой улице у моста около Спасских ворот* (Ермолаев, 1980, 6). Опираясь на традицию переводов греческих и латинских имен *Fides*, *Spes*, *Caritas* (*Вера*, *Надежда*, *Любовь*), в употребление вошли антропонимы *Тихомир*, *Богодар*, *Богдан*, *Боголеп*, *Домашний*, *Разумник* – переводы имен *Климент*, *Фёдор*, *Феодосий*, *Феопрет*, *Домитиан*, *Софрон* [Мирославская, 1959, 366], ставшие основой для фамилий.

В последующем церковно-бытовая разноименность вызывалась различными причинами, вплоть до курьезных: *Он взял себе Пелагею. Ее все Полей звали. А пошли венчаться, документы взяли, а она Тауса. Мать крестная подпила после того, как её покатила, и забыла, сказала родителям, что Пелагея* (х. Двойновский Новониколаевского района Волгоградской области, информант А. А. Куликова, 1909 г. р.).

Своеобразие антропонимии и ее конститuentов, особенности структуры антропонимического поля, строгая взаимосвязь и при этом относительная свобода

выбора компонентов, ярко проявляющиеся денотативные и коннотативные аспекты семантики ставят перед ономастикой задачи описания и классификации ономастико-семантических парадигм и моделей.

Алефиренко Н. Ф. Фразеология в системе современного русского языка. Волгоград, 1993.

Алефиренко Н. Ф. О природе ономастической семантики // Ономастика Поволжья: Тез. докл. VIII Междунар. конф. Волгоград, 1998. С. 165–168.

Белецкий А. А. Лексикология и теория языкознания: Ономастика. Киев, 1972.

Ермолаев И. П. Казанский край во второй половине XVI–XVII вв. (Хронологический перечень документов). Казань, 1980.

Матвеев А. К. Ономастика и ономотология: Терминологический этюд // Вопр. ономастики. 2005. № 2. С. 5–10.

Мирославская А. Н. Древнерусские имена и прозвища в «Новгородских записных кабальных книгах 100–104 и 11 годов» // Уч. зап. Калининград. гос. пед. ин-та. Вып. 6. Калининград, 1959. С. 336–362.

Салиас де Турнемир Е. А. Собр. соч. в 5 т. Т. 1. Петербургское действо. М., 1993.

Степанова Л. И., Супрун В. И. Имена собственные в толково-переводном словаре языка писателя // Современное состояние и тенденции развития отечественной лексикографии: Актуальные проблемы подготовки и издания словарей. М., 1988. С. 175–177.

Суперанская А. В. Терминология ономастики // Acta onomastica (Praha). 2008. Roč. IL. S. 314–322.

Brendler S. Probleme und Moeglichkeiten der Entwicklung der onomastischen Terminologie // Acta onomastica (Praha). 2008. Roč. IL. S. 50–59.

О. А. Теуш
Екатеринбург

Этимологизация заимствованных финно-угорских словосложений в русском языке

Словосложение является одним из наиболее продуктивных способов образования новых слов в финно-угорских языках. Этот процесс настолько активен и частотен в живой речи, что современные словари финно-угорских языков включают далеко не все сложные слова, а только те, которые наиболее употребительны или те, в которых семантика слова далеко отходит от семантики составляющих его компонентов. При этом в финно-угорском языкознании до сих пор широко обсуждаемой является проблема различения сложного слова и словосочетания.

Исследователи субстратной топонимии финно-угорского происхождения при этимологии ориентируются на этимоны, представляющие собой сложные слова. Удивляет, что при этимологизации лексики, заимствованной из финно-угорских языков, количество выявленных заимствованных сложных слов невелико, если не минимально. Из нескольких сотен известных финно-угорских заимствований сложными словами в языках-источниках являлись только некоторые лексемы.